

ПОЛА БРЕКСТОН

ПОЛА БРЕКСТОН

Полночная
ведьма

like
book

МОСКВА
2018

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Б87

Paula Brackston
THE MIDNIGHT WITCH
Copyright © 2014 by Paula Brackston
Published by arrangement with St. Martin's Press. All rights reserved

Перевод с английского *Е. Татищевой*
Художественное оформление *С. Власова*

Брекстон, Пола.
Б87 Полночная ведьма : [роман] / Пола Брекстон ; [пер. с англ. Е. С. Татищевой]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 448 с. — (Хроники теней).

ISBN 978-5-04-091570-5

Леди Лилит Монтгомери, единственная дочь покойного герцога Рэднора и одна из самых завидных невест Лондона, скрывает от окружающих страшный секрет — от отца она унаследовала уникальный дар говорить с мертвыми. Именно он научил ее всему необходимому, чтобы защитить себя и своих близких. Но годы безопасности позади! Неожиданная смерть герцога приводит к неизбежному — Лилит предстоит возглавить могущественный Клан Лазаря, тайны которого так жаждут разгадать Стражи. Древние волшебники давно воюют, и теперь у противников семьи Монтгомери есть все шансы, чтобы уничтожить и ее, и ее уникальный дар. Но Лилит не привыкла сдаваться, ведь на ее стороне не только живые, но и мертвые!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-091570-5

© Татищева Е.С., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО Издательство «Э», 2018

Глава 1

ЛОНДОН, 1913 ГОД

Мертвые редко молчат. У них есть истории, которые они хотят рассказать, и знание того, что должно случиться в будущем, которым можно поделиться. Для того чтобы их услышать, нужно только одно — готовность слушать. Я слушаю мертвецов всю свою жизнь, и громче всего они требуют моего внимания на похоронах. Это, разумеется, частично объясняется тем, что в это время я нахожусь к ним ближе всего. Я стою на кладбище у открытой могилы, одетая в черное, безмолвная. Я наблюдаю и жду, и боль сжимает мою грудь еще сильнее, чем надетый корсет, а вокруг меня движутся души усопших. Но они должны подождать. Подождать, когда я их позову. Пока еще не время. Я знаю, они жаждут поговорить со мной, и ценю их доверие, но они должны быть терпеливы.

То, что хотят сказать мертвые, всегда важно. По крайней мере, так думают они. Как будто тот факт, что они покинули сей мир, придает их словам особую ценность, которую те не имели, пока ходили по земле, а не спали под ней вечным сном. Должна признаться, временами их назойливость и преувеличенное сознание собственной важности утомляют меня. Например, это происходит сейчас, когда я так убита горем, что у меня нет ни малейшего желания их слушать. Однако я никогда *не должна* забывать, что

порой их слова в самом деле таят в себе огромную ценность. Некроманты знали это во все века; мы научились прислушиваться к невероятным пророчествам и шепоту их предостережений. Интересно, что подумали бы собравшиеся здесь благородные лорды и леди, если бы им стало известно, что среди них находятся те, кто призывает духи усопших, дабы узнать будущее? Что бы они подумали обо мне, если бы узнали, что свободнее всего я чувствую себя в катакомбах или когда сижу в темноте на кладбище, тихо беседуя с теми, кто переплыл Рубикон и ныне обитает в Царстве Ночи? Что я нахожу утешение и успокоение в обществе умерших, как до меня мои предки? Что бы они сказали, если бы я сообщила им, что втайне с удовольствием гляжу на гробы? Есть что-то такое в изящных линиях, насыщенных тонах полированного дерева грецкого ореха, из которого их делают, в латунных ручках и накладках, в успокоительных мыслях о том, как люди обретают в них отдохновение и безопасность.

Но сейчас, когда я смотрю, как гроб с телом моего отца опускают в вырытую могилу, никакое восхищение мастерством, с которым этот гроб был собран, не может отвлечь меня от чувства одиночества, владеющего мною в эту скорбную минуту. Отец никогда открыто не проявлял своих чувств — большинство из тех, кто его знал, считали его человеком холодным и замкнутым, — но он любил меня, а теперь его больше нет. В двадцать один год мне следовало бы чувствовать приятное возбуждение при мысли о будущем, но вместо этого я испытываю лишь горечь утраты и ощущаю тяжелое бремя долга на своих плечах. Брат унаследует титул герцога и все, что с ним связано, я же — наследница другого. Мне суждено стать новой Верховной Ведьмой Клана Лазаря.

Стоя у края могилы, я обвожу взглядом пришедших на похороны. Сотни людей явились, чтобы почтить память покойного герцога, но лишь немногие из них знают, что гроб, на который устремлены взгляды присутствующих и который ныне опускают в сырую темную землю, на самом деле пуст. Августовское солнце нагрело землю, и ее мускусный запах поднимается в воздух из от-

верстой могилы. Мне этот аромат хорошо знаком, и он волнует мою душу. Это запах далекого прошлого, минувших веков, запах близких, которых мы любили и которые переселились из нашего мира в мир иной, запах смерти и возрождения, гниения и возобновления. Он заполняет мои ноздри, и я ощущаю присутствие на кладбище чистильщиков-червей и быстро переползающих с места на место жуков, а также доносящийся из-под земли, из недавно засыпанных могил слабый сладковатый аромат начавшегося тления. Я не единственная, кто ощущает этот дух разложения, — с ветвей величественного кедра слышатся возбужденные крики остроклювых грачей.

На многих из присутствующих начинает сказываться жара летнего дня. Море черных траурных одежд словно колеблется: дамы шатаются в своих плотных платьях, ибо тугие корсеты мешают им вдохнуть воздух, которого в этой духоте и так мало. Тут и там вяло двигаются веера. Мужчины чувствуют себя не лучше в цилиндрах, и то один, то другой временами оттягивают с шей накрахмаленные воротнички. Неослабевающая жара этого лета, лета 1913 года, отнюдь не способствует хорошему самочувствию тех, кто одет, как подобает на похороны высокопоставленного лица. Даже запряженные в карету лоснящиеся вороные кони, хотя они и стоят в тени старого тисового дерева, нервно переступают с ноги на ногу и трясут головами, так что выкрашенные в черное страусовые перья на их уздечках подрагивают на фоне неуместно жизнерадостного сияния солнца.

Я чувствую, как пальцы матушки, сжимающие мою руку в черном креповом рукаве, впиваются еще сильнее. Матушка выглядит совсем слабой, и это тревожит.

— Мама? — шепчу я, наклонившись так близко к ее уху, как мне позволяет обвитая черной вуалью шляпа.

— О, Лилит, моя дорогая, боюсь, мне немного дурно.

И вдовствующая герцогиня чуть не падает.

— Фредди! — кричу я брату, который стоит всего в нескольких шагах от нас, но выражение на его лице таково, словно он

находится в совершенно ином мире. — Фредди, ради бога, помоги маме.

— Что? Да, да, конечно. Полно, мама, обопрись на меня. — Он изгибает губы в подобии улыбки и обнимает матушку за тонкую талию. — Теперь уже недолго, — шепчет он и добавляет: — Скоро все закончится, — обращаясь будто к себе.

Я окидываю взглядом эту мрачную пару: мою побледневшую матушку и не менее бледного брата и гадаю, хватит ли у меня сил заботиться о них. Им нужно, чтобы я была сильной. Чтобы я заняла место отца. Но как я смогу это сделать? Как? Жизнь матушки так долго всецело контролировал муж. Она столько лет носила титул герцогини, теперь же она должна научиться смотреть на себя по-другому. Теперь она просто леди Аннабель. Этот современный, быстро меняющийся мир ставит ее в тупик и представляется ей совершенно нелогичным, а кроме того, над нами нависла угроза войны. Матушка похожа на потерявший управление корабль, и я должна стать ее тихой гаванью. Это так похоже на нее — настоять на пышной и продолжительной церемонии похорон. Она вникала в каждую деталь: от количества и сорта лилий до родословной запряженных в нашу карету лошадей и общего вида траурных ливрей лакеев на запятках. Я понимаю, что она абсолютно уверена, будто точно знает, чего именно хотел бы ее любимый Роберт. Она думает, что как вдова герцога обязана исполнить его волю. Как бы остро она ни переживала свое горе, она ничем этого не выдаст. Какой бы потерянной она себя ни чувствовала, она останется олицетворением стоического достоинства. Лишь самые близкие будут знать, как она страдает. Я понимаю — сейчас матушка хоронит не только своего обожаемого супруга, но и большую часть себя самой. Фредди и я будем жить в большом мире, у каждого из нас будет собственная жизнь, матушка же так и останется в своем привилегированном чистилище. Так будет отныне и до смертного часа, больше не герцогиня, больше не жена.

А тут еще Фредди. У Фредди есть собственные проблемы, которые требуют для своего решения особых методов. Возможно,

я сумею уговорить его уехать в поместье Рэднор, подальше от разрушительных соблазнов, которыми изобилует Лондон. Это стало бы приемлемым решением. Но как же мне удастся сделать то, что не удалось даже отцу? Фредди знает, от чего бы ему пришлось отказаться, если бы он вернулся в Рэднор-холл, и боюсь, он скорее прыгнул бы в отцовскую могилу...

Твой брат тебя погубит!

«Кто это? Кто говорит со мной без приглашения? Какой дух осмелился сделать такое?»

Тот, кто наблюдает за тобой, Дочь Ночи. Тот, кто знает тебя и твоего никчемного братца лучше, чем вы знаете себя.

Я должна закрыть сознание для непрошеного, незнакомого голоса! Несмотря на неослабевающую жару, меня внезапно пробивает озноб. Духи могут сделаться беспокойными, могут возжаждать что-то сообщить, но все равно они всегда ждут, когда ты к ним обратишься. Я не буду слушать этот голос. Не сейчас. Сейчас я нужна живым. И наверное, более всех во мне нуждается Фредди.

Когда я смотрю на то, как он тшится поддержать нашу маму, он кажется мне почти таким же немощным, как и она. Его прозрачная кожа словно говорит об уязвимости его натуры. На лбу брата блестят мелкие капельки пота. Он тяжело опирается на трость, как будто ему не под силу выдержать даже собственный вес, не говоря уже о весе кого-либо еще.

Я помню, как отец впервые привел нас сюда, Фредди и меня. Полночь миновала, и в доме было тихо. Он вошел в детскую и велел нашей няне поднять нас на ноги и одеть. Мне тогда было не более девяти лет, стало быть, Фредди было семь. Разумеется, мне показалось странным, что нас будят среди ночи, в самое темное время суток, и что мы куда-то едем в карете, причем без матушки, а с одним только отцом. Я помню встревоженное лицо няни, смотрящей нам вслед из окна. Знала ли она? Знала ли она правду об отце? Было ли ей известно, куда нас везут?

Отец велел кучеру остановить экипаж у ворот кладбища, затем повел нас по узким дорожкам между могилами. Он шагал быстро, поэтому Фредди и мне приходилось бежать, чтобы не отстать от него. Помню, я была немного возбуждена от столь странной и таинственной прогулки, но мне не было страшно. А вот мой бедный младший брат был перепуган до смерти. К тому времени, когда мы достигли цели нашей вылазки — этого самого места, — он плакал так громко, что отцу пришлось выбрать его и приказать замолчать. Мы неподвижно стояли среди могил и надгробных статуй, чувствуя, как нас обволакивает тьма. Я услышала, как заухала сова, как мимо пролетело несколько летучих мышей, и каждый раз от взмахов их крыльев мое лицо обдавало дуновение теплого летнего воздуха. Отец ничего не говорил, не давал нам никаких указаний. Он просто привез нас сюда, и мы молча стояли среди мертвых, окутанные ночной тьмой. Фредди все это время переминался с ноги на ногу, с грехом пополам подавляя всхлипы, я же была спокойна и всем довольна. Я чувствовала себя... дома.

Я беру маму за руку и крепко сжимаю ее. Викарий продолжает читать заупокойную молитву, его голос звучит глухо и монотонно, словно далекий старый треснувший колокол, эхом повторяющий предсмертные удары сердца человека, тело которого мы сейчас предаем земле, а душу вверяем Богу. Только его тела в гробу нет, а душа еще некоторое время останется на этой земле.

* * *

Рядом со статуей скорбящего ангела, спасаясь от солнечных лучей в тени его поднятых крыльев, в некотором отдалении от главных действующих лиц церемонии похорон покойного герцога, стоит Николас Стрикленд, личный секретарь министра иностранных дел. Он наблюдает и ждет. У него нет охоты вести светскую беседу с другими участниками погребального действия. Не желает он также и выразить свои соболезнования скорбящей семье усопшего. Он хочет одного — стоять и наблюдать. Присутствовать при погребении. Окончательно увериться, что глава Клана Лазаря

в самом деле умер и больше не занимает это привилегированное положение.

Совсем близко от места, где стоит Стрикленд, пробегает белка. От быстрого движения ее когтистых лапок в стороны летят палые кедровые иголки, и некоторые из них приземляются на безукоризненно начищенные туфли высокопоставленного чиновника. Он смотрит на иголки с отвращением. Их вид на обуви оскорбляет его чувства. Он считает себя реалистом, не ожидающим от жизни невозможного, и понимает, что совершенство, как искренне ты бы к нему ни стремился, часто недостижимо. И тем не менее он неизменно пытается его достичь. Что больше всего раздражает его, раздражает почти нестерпимо, так это такие ситуации, когда достижению заветного идеала мешают другие. Сосредоточив все внимание на своих туфлях, он делает энергичный выдох, направляя на них мощную струю воздуха с такой легкостью, словно подобный трюк доступен всем, и сдувает с них кедровые иголки, так что его обувь вновь обретает первоначальный блеск. Почувствовав опасность, белка замирает. На ее мордочке отражается сначала страх, потом боль, и она валится на землю. Испутив последний вздох, она застывает навсегда. Грачи, сидящие на ветвях растущего рядом кедра, замолкают.

Стрикленд вновь обращает свое внимание на семью почившего герцога. Ему доводилось несколько раз встречаться с вдовой, когда она еще была герцогиней Рэднор. Она наверняка помнит его, как помнит всех гостей в своем доме. Это естественно для дамы, ценящей свою репутацию гостеприимной хозяйки, хотя теперь, когда после кончины герцога прошло так мало времени, Стрикленду кажется, что она уже не та... Герцог Рэднор долго болел, поэтому его уход из жизни ни для кого не стал неожиданностью, и все же по вдове заметно, как она потрясена. Хотя лицо женщины закрыто черной вуалью, это ясно видно по ее движениям, по осанке, по тому, как нетвердо она держится на ногах. Справа от нее стоит ее сын, Фредерик, являя собой картину почти такой же слабости и немощности. Молодой человек высок и красив,

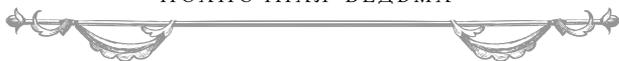

с фамильными черными волосами и тонкими аристократичными чертами лица, но он болезненно худ, и в нем чувствуется некоторая суетливость, выдающая его с головой. Стрикленд сомневается, что из этого юнца получится хороший герцог. Ему никогда не стать таким человеком, каким был его отец.

Но по-настоящему Николаса Стрикленда интересует не он, а стройная девушка, стоящая по левую руку от вдовствующей герцогини. Леди Лилит Монтгомери, единственная дочь и старший ребенок покойного лорда Роберта Монтгомери, шестого герцога Рэднора, не кичится своей поразительной красотой, а просто принимает ее со спокойным достоинством. Она не выставляет напоказ свои прелести, на которые мужчины невольно бросают восхищенные взгляды, как не афиширует и того привилегированного положения, которое занимает по праву рождения, будучи дочерью покойного герцога и сестрой ныне здравствующего. Ее окружает ореол серьезности. Ореол искренности. И сдержанной силы, которую Стрикленд находит одновременно притягательной и заслуживающей восхищения. Этим летом он наблюдал за ее выходом в свет с напряженным вниманием. Но его интересуют вовсе не ее женские достоинства. И не ее положение в свете. До чего ему действительно есть дело, что живо интересует его, так это способна ли она взять на себя обязанности Верховной Ведьмы и занять место отца. Только время покажет, сумеет ли она с честью вынести все испытания. Если не сумеет, это будет поистине черный день для Клана Лазаря. И восхитительно счастливый момент для Николаса Стрикленда.

* * *

Несмотря на тяжесть чемодана, немалые размеры рюкзака, в котором находятся краски и прочие принадлежности живописца, и длинные «ноги» мольберта, который он несет на плече, Брэм Кардэйл идет по кладбищу пружинистым и энергичным шагом. Он очень силен, а потому его ноша не кажется ему обременительной, а кроме того, дополнительную энергию ему придает осознание

стоящей перед ним высокой цели. Он рад, что может срезать угол, ибо уже прошел добрую милю или даже больше, но это пустяки, он сможет легко шагнуть без отдыха хоть до самого заката, поскольку сегодня он начинает новую жизнь. Он оставил позади сожженные мосты, отвергнутое предложение занять должность, которая дала бы ему стабильность и приличный доход, а также комфорт и благополучие родного дома, где осталась его семья. Впереди же лежит неизвестность. Он точно знает только одно — он будет жить в доме знаменитого скульптора Ричарда Мэнгана и наконец-то попытается стать художником, задатки которого — он свято в это верит — у него есть. Его решимость осуществить подобный прыжок в неизвестность шокировала родителей. Особенно негативно решение сына воспринял отец.

— Но мой мальчик, тебя же ждет хорошая должность на заводе. И ты все это бросишь ради... ради чего? Чтобы писать картины?

— Именно для этого я и создан.

— Выходит, наша жизнь и то, что мы делаем, — все это ни с того ни с сего недостаточно хорошо?

— Я и не ожидал, что ты меня поймешь.

— Вот тут ты прав.

— Неужели ты не можешь просто за меня порадоваться?

— Порадоваться? Ты уезжаешь, чтобы жить в доме, полном прелюбодеев и, один Бог знает, кого еще, вместо того чтобы занять законное место здесь, где твои корни. Есть чему радоваться, как же!

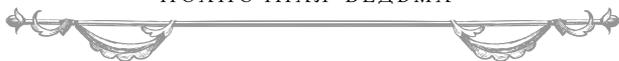
Брэм не стал пытаться уговорить отца принять то будущее, которое выбрал для себя он, его сын. Говоря с матерью, он вытер платком ее слезы и пообещал писать письма. Когда они прощались, она заглянула в самую глубину его души, как могла делать только она одна, и на мгновение его решимость поколебалась. Она посмотрела на него, коснулась щеки сына с такой нежностью, с такой тревогой... и он испугался: если он не уедет сейчас, то останется дома и проживет жизнь, так и не реализовав себя,

загубив данный судьбой талант и задушив свою жажду творить. Нет, он не смирится с подобным существованием. Конечно, у него нет гарантий, что его ждет успех, и вполне может случиться, что он закончит свои дни в одиночестве в Лондоне, закончит как безвестный неудачник, и весь его талант, в который он так верит, окажется всего лишь иллюзией. Он рискует сойти с ума, если уедет, но если останется, ему грозит помешательство, только он придет к нему более коротким путем. И в этот же вечер он сел на поезд, идущий из Шеффилда в Лондон. Его преследовало чувство вины, но чем дальше уносил от дома поезд, тем больше крепла его уверенность в том, что он поступает правильно.

Энергия Лондона, его бурлящий ритм, масштаб — все это обещает ему возможности и свободу. Он не мог писать картины в полную силу, пока жил в тени отца, пока вел провинциальную жизнь, пока его творческий потенциал сковывали ожидания, которые возлагала на него семья. Он понимает, что поступает как эгоист, но если ему суждено стать художником и писать картины — а ему кажется, что его толкает к этому непреодолимая сила, — он должен найти такое место, которое будет способствовать его художественному самовыражению. Он написал Ричарду Мэнгану, почти не надеясь получить ответное письмо, поэтому, когда тот предложил ему комнату в своем доме, он понял: такую возможность упустить нельзя. Теперь, живя под крышей Мэнгана, он сможет наконец осуществить свою мечту.

На полпути к восточным воротам кладбища Брэм замедляет шаг, пораженный количеством одетых в черное людей, присутствующих на церемонии погребения. Многолюдные похороны не редкость и в Шеффилде, но ничего подобного по масштабам он прежде не видел. Он останавливается и на мгновение спускает мольберт с плеча на землю. Он видит несколько черных карет с впряженными в них породистыми лошадьми, также угольно-черными и накрытыми тяжелыми бархатными попонами. Катафалк уже, по-видимому, уехал, но остающиеся экипажи выглядят не менее богато, а стоящие на их запятках лакеи одеты в роскош-

ные ливреи. На дверях одного из экипажей красками изображена стрекоза; тот же герб вышит на пополах впряженных в него лошадей, изящная воздушная стрекоза с переливающимся на солнце зеленым туловищем. Одетые в траур люди расположились вокруг открытой могилы, и их по меньшей мере две сотни. У самой могилы стоят скорбящие близкие усопшего, и убитая горем семья кажется Брэму трогательно маленькой. Брэм видит молодую девушку в широкополой шляпе с усеянной черными «мушками» длинной вуалью, но, несмотря на нее, он может разглядеть ее правильные черты лица. И изящную тонкую шею, единственную часть тела, которая не скрыта черной материей. Белизна этого небольшого участка обнаженной плоти кажется Брэму ошеломительной, почти эротичной. Солнечные лучи проходят сквозь ветви одинокого кедра и освещают стоящих у края могилы членов семьи усопшего; шелковая ткань их одежд, несмотря на то что она черна, как ночь, отражает этот свет с такой слепящей яркостью, что Брэм невольно щурит глаза.

И сразу же лихорадочно прикидывает, как бы передать на холсте всю силу этого отраженного света посреди глубокой черноты. При мысли о столь трудной художественной задаче его охватывает знакомое возбуждение. Пульс учащается, перед мысленным взором один за другим проносятся образы. Свет на фоне мрака, мрак на фоне света, цветовые пятна, широкие мазки. В момент подобного вдохновения возможно все. Он сбрасывает свою ношу на землю, торопливо достает из рюкзака доску для рисования и лист бумаги, пытается нащупать кусок древесного угля. Он ставит доску на мольберт, прижимая к ней верхний край бумаги пальцами левой руки, и, сжимая в правой руке уголь, поворачивается лицом к сцене, которую хочет запечатлеть. Он стоит на солнцепеке и чувствует, как на лбу начинают выступать бисеринки испарины, а волосы становятся влажными от пота. Его шляпа еще больше нагревает голову, а не спасает ее от солнца, и он срывает ее и небрежно роняет на иссохшую землю. Он хмурится, глядя на ослепительно-белый лист бумаги, но его колебание длится лишь одно